

Мальчики — «цинковые». Писатели — все «железные»

В зале суда Центрального района Минска в качестве оплечницы писатель Светлана Алексиевич. Иски о защите чести и достоинства ей предъявили Инна Головнева, мать погибшего в Афганистане офицера, и Тарас Кецмура — бывший «интернационалист». Претензии предъявлены «Комсомольской правде», где 15 февраля 1990 года были опубликованы выдержки из документальной повести «Цинковые мальчики» с монологами Головневой и Кецмура

Писательница сама отбирала фрагменты, очевидно, считая их самыми сильными. Но именно герои этих фрагментов сочли себя оскорбленными. В чем?

Инна Головнева, положившись на заверения Алексиевич, что та основывает книгу на документах, дневниках и письмах, передала ей дневник погибшего Юры. Но прочла «правду» и акнула. Вместо дневника Юры увидела свой же «монолог» — ожидавшая известия о гибели кого-то из сыновей, будто бы молила: только бы не Юру, лучше Гену. Младшему, выходит, желала смерти? Старший в книге упрекает брата: «Ты, Гена, мало читаешь. Никогда не увидишь у тебя книгу на коленях. Всегда гитара...» А никогда не было в доме гитары: сыновья не имели музыкального слуха.

С Кецмуром история такая. Вышло, что поехал он в Афганистан со своей собакой Чаррой. «Умри!» — и она падает. «Закрой глаза», — и она лапами закрывает морду и глаза. Если мне не по себе, сильно расстроил, она садилась рядом и плакала... Так — у Алексиевич. Но не было у него там собаки, тем более плачущей. Стали звонить однополчане из разных городов Союза (89-й год). Кто-то посмеивался над его «писательским талантом». Кто-то грозил приехать и побить.

Алексиевич иск не признала: «Есть правда, а есть прав-

доподобие». «Если я написала, значит, так оно и было», — возражает она своим героям. Собеседники не просили материалы, чтобы прочесть и подписать, вот она и не показала. А пленки использованы для новой книги: кассеты дорожные...

Процесс сделали политическим задолго до суда. Писала о нем «Литературная газета». «Политический процесс чистой воды» — один из заголовков. Осенью показалось Светлане Алексиевич, что за спинами матерей «генеральские погоны». Ирина Ришина, автор другой публикации, увидела над делом «тень судилищ сталинских, брежневских времен, печально знаменитых процессов над И. Бродским, А. Синявским, Ю. Даниэлем...»

На суде и в публикациях речь идет о чем угодно, кроме того единственного, что собрали люди в зале.

Разве Алексиевич выдумала недостойное поведение Головневой и Кецмура? Напротив: «красивые» поступки и «красивое» страдание. «Я не сожгла себя на площади... Муж не отнес и не бросил им в лицо партбилет...»

Но вот какая штука: не

было у мужа Инны Сергеевны партбилета. Ну извиниться бы по-человечески, и ладно.

Светлана Алексиевич, так уж вышло, стала судить сама, привлекая в качестве «доверенных лиц» мировую общественность, прессу, радио, даже церковь...

Решение суда? Соломоново. Он признал часть сведений, приписанных авторству Головневой, не соответствующими действительности. Но в иске отказал, сочтя эти несоответствия не порочащими ее честь. Если матери приписывается, что она желает смерти одному из сыновей, чтобы спасти другого, — это не оскорбляет ее материнского достоинства.

Что касается Кецмура, то часть сведений суд признал ложными, но не оскорбительными. Другую часть — порочащими его честь и достоинство, поскольку эти сведения дают основания сомневаться в его психических качествах.

Алексиевич покинула зал, назвав суд «анекдотом». Выступила с заявлением. «Я пришла сюда найти «паразитов» с матерями. Но здесь речь идет о литературе: судят книгу и писателя!»

Открытое письмо С. Шуш-

кевичу написали В. Буковский, И. Геращенко, И. Ратушинская и М. Рогачий. «Мы выражаем вам, председателю Верховного Совета Беларуси, свое возмущение открытой деятельностью коммунистической инквизиции в вашей республике».

Но в зале не было никого, кроме матерей с портретами в траурных рамках. За их спинами, по крайней мере, точно — сыновние могилы. Они, а не писательница Алексиевич, орденосеца, лауреат, нуждаются в защите. Если и происходит здесь акт гражданской казни, то никак не над писательницей. С авторитетной поддержкой правозащитников из близкого и дальнего зарубежья она клеймит, гвоздит, казнит. Кецмуру: «Вы предали себя, прежнего. Вы были умнее и добрее, чем сейчас. Куда вас поведут на веревочке, туда вы и пойдете!»

Тот признался на суде: я научился плакать, говорю это, как мужчина.

«Вы мне понравились тогда, в горе, когда из дома вынесли гроб сына». Это уже Головневой, Инне Сергеевне. Но похороны сына для матери все же

не только сцена на съемочной площадке.

Мальчики — «цинковые». Писатели — все «железные».

В книге «рассказы матерей несут функцию крика!» Сильное признание. Выходит, что не жизни героев, не их трагедия интересовали исследователя, но функция, которую определил он им в своей конструкции. Не вписывается человек в эту функцию — можно подрезать, по-живому.

В одном из интервью С. Алексиевич призналась, что любит, в общем, свой народ, пусть и локальный 70 годами тоталитаризма... Разлюбила, другим стал народ?

Писательница приговорила Инну Головневую: «Вы отказались от себя, прежней, рыдающей над гробом сына. Вы стали главной матерью Союза и захотели, чтобы сын стал самым главным».

Мне кажется, что любящая мать имеет право считать себя главной матерью во Вселенной. Не в генералах за их спинами дело...

И никакой великий писатель не может считать себя «главным» — даже в самом районном масштабе.

Виктор ПОНОМАРЕВ.